

WILL

УИЛЛ СМИТ
МАРК МЭНСОН

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТЕНА | 7

Глава 1. СТРАХ | 13

Глава 2. ФАНТАЗИЯ | 30

Глава 3. ВЫСТУПЛЕНИЕ | 47

Глава 4. СИЛА | 67

Глава 5. НАДЕЖДА | 90

Глава 6. НЕВЕДЕНИЕ | 121

Глава 7. ПРИКЛЮЧЕНИЕ | 136

Глава 8. БОЛЬ | 150

Глава 9. РАЗРУШЕНИЕ | 168

Глава 10. АЛХИМИЯ | 188

Глава 11. АДАПТАЦИЯ | 206

Глава 12. ЖЕЛАНИЕ | 226

Глава 13. ПРЕДАННОСТЬ | 250

Глава 14. ВЗРЫВ | 267

Глава 15. АД | 292

Глава 16. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ | 311

Глава 17. ИДЕАЛ | 336

Глава 18. БУНТ | 358

Глава 19. РЕТРИТ | 379

Глава 20. КАПИТУЛЯЦИЯ | 398

Глава 21. ЛЮБОВЬ | 418

ПРЫЖОК | 429

Благодарности | 438

Глоссарий | 439

Музыкальные термины | 443

Авторы иллюстраций | 445

СТЕНА

Наружная стена в мастерской моего отца давно начала осыпаться, и когда мне было одиннадцать, он решил, что пора ее перестроить. Стена была *большой*: метра три с половиной в высоту и шесть в ширину. Отец все делал своими руками. Но в тот раз он решил, что эта работа пойдет на пользу мне и моему младшему брату Гарри.

Сносом папуля занимался сам. Помню, как я посмотрел на огромную зияющую дыру и не поверил своим глазам. Я был твердо уверен, что на этом месте больше никогда не будет стены.

Почти каждый день в течение года мы с братом после школы отправлялись в мастерскую и строили стену. Мы все делали сами — закапывали опоры, таскали ведра, смешивали раствор. До сих пор помню состав: две части цемента, одна часть песка, одна часть извести. Мы намешивали раствор лопатами прямо на тротуаре, заполняли им семилитровые ведерки и укладывали кирпичи. Мы не пользовались арматурой или деревянными рамками, у нас был только обыкновенный уровень — тот, что с пузырьком воздуха в середине.

Если вы *хоть что-то* смыслите в стройке, то знаете, что так делают только полные чудаки. Чисто между нами — это был чуть ли не каторжный труд. В наше время за такое и службу защиты детей можно было бы вызвать. Такая нудная и бессмысленно долгая ра-

бота заняла у двух детей почти весь год, хотя команда взрослых мужиков справилась бы за пару дней.

Мы с братом пахали на выходных, в праздники и каникулы. В тот год мы потратили на это весь летний отдых. Все это было не важно — отец никогда не брал выходных, поэтому и нам было нельзя. Я все время смотрел на дыру в полном отчаянии — она казалась невозможно огромной. Думал, что этому не будет ни конца, ни края. Казалось, что мы строим Великую Западно-Филладельфийскую стену — миллиарды красных кирпичиков бесконечно тянулись в далекую пустоту. Я был уверен, что состарюсь и помру, так и мешая цемент и таская ведра, иначе просто и быть не могло.

Но папуля не давал нам продыху. Каждый день мы должны были приходиться, мешать цемент, таскать ведра, класть кирпичи. Хоть дождь, хоть адская жара, даже если я был не в настроении, даже если я заболел, даже если завтра была контрольная — отговорок он не принимал. Мы с братом жаловались и протестовали, но папуле было наплевать. Он взял нас в оборот. Эта стена была нашей константой, нашей неизменной. Сменялись времена года, друзья появлялись и пропадали, учителя выходили на пенсию, но стена оставалась. Во веки веков, стена была всегда.

Однажды мы с Гарри были в особенно паршивом настроении. Мы тянули резину и ныли себе под нос, «невозможно то-се», «ужасно пятое-десятое».

— На кой нам вообще сдалась эта стена? Это невыносимо. Мы ее никогда не достроим.

Папуля нас услышал, бросил свои инструменты и направился к нам, демонстративно топая ногами. Он выхватил кирпич у меня из рук и выставил его перед нами на вытянутой руке.

— Да забудьте вы про эту чертову стену! — сказал он. — *Нет* никакой стены. Есть только *кирпичи*. Ваша работа — идеально уложить *вот этот* кирпич. Затем следующий кирпич. Затем еще *один*. Вы не строите стену. Вы кладете кирпичи, *один за другим*.

Он вернулся в мастерскую. Мы с Гарри переглянулись, помотали головой — *старик совсем спятил* — и продолжили мешать.

Самые важные жизненные уроки я усваивал вопреки самому себе. Я им сопротивлялся, отрицал, но в конце концов от тяжелой правды было не увернуться. Кирпичная стена моего отца была одним из этих уроков.

Тянулись дни, и я начал понимать, что он имел ввиду, хоть мне и не хотелось себе в этом признаваться. Когда я думал о *стене*, работа казалась невозможной. Нескончаемой. Но когда я думал об *одном кирпиче*, все становилось просто — я *знал*, что уж один чертов кирпич я смогу уложить...

Шли недели, кирпичи укладывались, и дыра становилась чуточку меньше. Я начал понимать, что разница между выполнимой и невыполнимой задачей — только в том, как ты к ней относишься. Что перед тобой — стена или кирпич? Блестяще сдать выпускные экзамены и поступить в колледж, стать одной из первых мировых звезд хип-хопа, построить одну из самых успешных карьер в истории Голливуда — во всех случаях, казалось бы, невозможную цель можно было разбить на несколько небольших выполнимых задач. Все непреодолимые стены состоят из простых и понятных кирпичиков.

Всю свою карьеру я не переставал вкалывать. Я принципиально выкладывался на все сто. А весь секрет моего успеха сводится к простой и скучной истине: я прихожу и укладываю следующий кирпич. Все бесит? Кладу кирпич. Низкие кассовые сборы? Кладу кирпич. Альбом плохо продается? Иду и кладу кирпич. Проблемы в браке? Кладу кирпич.

За последние тридцать лет я, как любой другой человек, сталкивался с провалами, потерями, унижением, разводом и смертью. Моей жизни угрожали, мои деньги отнимали, в мою личную жизнь вторгались, моя семья разваливалась — и каждый божий день я поднимался, мешал цемент и укладывал следующий кирпич. Через что бы ты ни проходил, перед тобой *всегда* есть следующий кирпич, который нужно уложить. Вопрос лишь в том, будешь ли ты его укладывать.

Я слышал, что имя ребенка может влиять на его характер. *Мое* имя мне дал отец — он назвал меня *в свою честь*, и этим наделил

меня самым важным качеством: способностью выдерживать невзгоды.

Он дал мне волю.

Помню холодный пасмурный день, примерно через год с начала нашей с братом работы. К тому времени строительство стены стало такой постоянной частью моей жизни, что мысли о ее завершении казались бредом. Будто даже если бы мы ее *достроили*, за ней немедленно появится новая дыра, которую снова придется чинить. Но тем прохладным сентябрьским утром мы намешали последнюю порцию раствора, наполнили последнее ведро и уложили последний кирпич.

Папуля стоял и следил, как последние кирпичики ложились на свое место. С сигаретой в руке он тихо любовался нашей работой. Мы с Гарри уложили и выровняли последний кирпич, затем наступила тишина. Гарри слегка пожал плечами — *и что нам теперь делать? Прыгать, кричать, праздновать?* Мы робко отошли от стены и встали по обе стороны от папули.

Мы втроем внимательно осматривали нашу новую стену.

Папуля бросил сигарету на землю, раздавил ее ботинком, выдохнул последний клуб дыма и, не отрывая взгляда от стены, сказал:

— *Чтоб больше мне не говорили, что вы чего-то не можете.*

Затем он вернулся в мастерскую и продолжил работать.

уилл

ГЛАВА 1

СТРАХ

Я всегда считал себя трусом. Большая часть моих детских воспоминаний так или иначе связана со страхом — я боялся других детей, боялся покалечиться или опозориться, боялся, что меня будут считать слабаком.

Но сильнее всего я боялся своего отца.

Когда мне было девять, я увидел, как он ударил маму по голове с такой силой, что она потеряла сознание. Я видел, как кровь пошла у нее изо рта. Именно этот момент моей жизни сильнее всего повлиял на то, каким человеком я стал.

Во все, что я делал с тех пор — церемонии награждений, интервью, публичные выступления, персонажи и шутки — во все я пытался вложить извинения перед мамой за то, что в тот день я ничего не сделал. За то, что подвел ее в тот момент. За то, что не смог дать отпор отцу.

За то, что был трусом.

«Уилл Смит», которого вы себе представляете, — уничтожающий инопланетян рэпер, знаменитый киноактер — это, по большей части, конструкт — тщательно созданный и отточенный мной персонаж, существующий, чтобы я мог себя защитить. Спрятаться от мира. Скрыть труса.

Отец был моим героем.

Его звали Уиллард Кэрролл Смит, но мы все называли его «папулей».

Папуля родился и вырос на суровых грязных улицах Северной Филадельфии в 1940-е. Папулин отец, мой дед, владел небольшим рыбным рынком. Каждый день ему приходилось работать с четырех утра до поздней ночи. Бабушка была медсестрой и часто работала в больнице в ночную смену. Поэтому папуля большую часть детства провел без присмотра и в одиночестве. Жизнь на улицах Северного Филли делала человека жестче. Ты либо превращался в злобного подонка, либо погибал. Папуля начал курить в одиннадцать, а пить в четырнадцать. Так в нем зародились дерзость и агрессия, преследовавшие его до конца жизни.

Когда ему было четырнадцать, бабушка с дедушкой, боясь за жизнь сына, скопили денег, чтобы отправить его в сельскохозяйственный интернат на просторах Пенсильвании, где детей учили фермерству и ручной работе. Место было строгое и старомодное, поэтому они надеялись, что там он научится дисциплине и ответственности.

Но моему отцу никто был не указ. Иногда он возился с двигателями в тракторах, но в основном ему было совершенно наплевать на всю эту, как он выражался, «херню для деревенщин». Он прогуливал уроки, курил и продолжал пить.

В шестнадцать лет папуля решил — хватит с него школы, он поедет домой. Он хотел сделать так, чтобы его исключили. Он начал срывать уроки, игнорировать правила, огрызаться на учителей. Но когда его попытались отправить восвояси, бабушка с дедушкой отказались его забирать.

— Мы заплатили вам за целый год, — сказали они. — Вам заплатили, чтобы вы с ним разбирались, вот и *разбирайтесь*.

Папуля оказался в ловушке.

Но он был парень не промах — в свой семнадцатый день рождения он улизнул из кампуса, прошел пешком восемь километров до ближайшего призывного пункта и записался в Военно-воздушные силы США. В этом был весь папуля — настолько ему хотелось

досадить родителям и школьному управлению, что он выпрыгнул из огня сельскохозяйственного интерната в полымя армии США. Так он сам пришел к дисциплине и ответственности, которым его хотели научить бабушка с дедом.

Как ни странно, папуля был *в восторге* от армии. Именно там он познал всю силу организованности и дисциплинированности, двух качеств, которые стали опорой, защищавшей его от его же худших качеств. Встаешь в четыре утра, все утро зарядка, весь день работа, всю ночь учеба — так он влился в струю. Он обнаружил, что может превзойти любого, и очень этим гордился. И в этом тоже проявлялась его дерзость. Его никто не смог бы обойти, потому что он был *впереди планеты всей*.

С его трудолюбием, необузданной энергией и острым умом он мог бы быстро подняться в звании. Но тут возникали две сложности.

Во-первых, у него был вспыльчивый характер, и если кто-то был неправ, он этого не терпел, даже если этот кто-то был старше по званию.

Во-вторых, пьянка. Уж поверьте, отец был одним из умнейших людей, которых я знал, но если он был зол или пьян, он превращался в идиота. Он нарушал свои же правила, срывал планы, портил свою жизнь.

После двух лет в армии его тяга к саморазрушению взяла свое и положила конец его военной карьере.

Однажды ночью они с парнями из взвода перекидывались в кости. Папуля это дело очень любил. Мужики продули ему почти тысячу баксов. После игры он припрятал выигрыш в своем шкафчике и отправился что-нибудь съесть, но, когда он вернулся из столовой, оказалось, что парни украли свои деньги обратно. В ярости папуля напился до чертиков, взял пистолет и устроил пальбу в казармах. К счастью, никто не пострадал, но для воздушных сил и это было достаточной причиной, чтобы его вытурить. Повезло, что его не отправили под трибунал — а просто уволили, посадили на автобус и велели никогда не возвращаться.